

Владимир Владимирович Маяковский

«А ЧТО ВЫ ПИШЕТЕ?»

— с таким вопросом обращается каждый хроникер к каждому писателю. Впрочем, и не к писателю тоже. Сейчас, на мой взгляд, печатается больше, чем пишется. Не сразу разберешь, где кончается поэзия и где начинается ведомственный отчет, только на всякий случай зарифмованный. Одна печатаемая ерунда создает еще у двух убеждение, что и они могут написать не хуже. Эти двое, написав и будучи напечатанными, возбуждают зависть уже у четырех. Писатели множатся, как бацилла, — простым делением: был писатель, стало два. Ошалелый редактор печатает все, заботясь лишь о порядке очереди. И, глядя на первого встречного, хроникер вправе предполагать, что и этому придет очередь, и у хроникера, естественно, рождается вопрос: а что вы пишете?

Молодой человек начинает думать обо всем, о чем он еще никогда не думал. Результаты хроникерской записи этого горячечного самовлюбленного бреда мы узнаем из «Литературной хроники» газет и журналов.

Кошкин. Работает над повестью из жизни фабрично-заводского пролетариата северного и южного полюсов под обоюдным названием «Полюс на полюс».

Сметанчик. Пишет роман-двенадцатитомную историю из жизни последней дюжины египетских фараонов. Первые семь (по порядку) уже написаны. Для оставшихся пяти изучается подлинный материал в библиотеке имени Луначарского третьего городского района.

Каплан по заданию Губполитпросвета выполняет цикл сонетов, возрождающих пушкинское мастерство и вполне посвященных смычке.

Козлов, Клязин, Спальников, Мундблеф, Русский и т. д., и т. д. (люди, очевидно, без воображения) работают над разворачиванием больших эпических полотен».

Просто и мило.

Но я никогда не узнавал из газет и журналов ничего интересного из жизни и работы интересующих меня писателей.

Почему?

Должно быть, потому, что занятые и флегматичные писатели разговаривают с интервьюерами приблизительно так же, как разговариваю и я:

— А идите вы к черту... Ну, что пристали? Когда будет надо, и без вас напишу — сам писатель.

Ну так вот:

Главной работой, главной борьбой, которую сейчас необходимо вести писателю, это — общая борьба за качество.

Качество писательской продукции (в связи с этим и положение писателя в нашем советском обществе) чрезвычайно пошатнулось, понизилось, дискредитировалось.

Здесь были и объективные причины временного понижения — многолетняя работа последнего времени от срочного задания к срочному заданию, отсутствие времени на продумывание формальной стороны работы. Это сознательное временное приспособление слова имело и свои положительные результаты — очищение языка от туманной непонятности, сознательный выбор, поиск целевой установки.

Значительно хуже — субъективные причины понижения качества. Это писательская бессовестная, разухабистая халтурщина, постоянное предпочтение фактических заказов всем социальным, циничное предположение, что некалифицированный читатель сожрет все и т. д.

Этому способствует, конечно, и скверная постановка литературного дела вообще: странное поведение Гиза, при котором исчезла связь писателя с массой, вручение критики безответственным губошлепам, не пригодным ни к какому другому труду, и т. д.

Ощущению квалификации посвящено мое главное стихотворение последних недель — «Разговор с фининспектором о поэзии» (выйдет в ближайшем номере «Нового мира»). В нем я считаю необходимым напомнить, что:

Поэзия —
та же добыча радия.
В грамм добыча,
в год труды.
Изводишь
единого слова ради
тысячи тонн
словесной руды.
Но как
испепеляюще
слов этих жжение
рядом
с тлением
слова-сырца.
Эти слова
приводят в движение
тысячи лет
миллионов сердца.

(Отрывок «Разговора»)

Та же тема и в характеристике критики:

Марксистский метод —
дело человечье,
бей,
своим не причиняя увечья.
Штыками
двух столетий стык
закрепляет
рабочая рать.
Но некоторые
употребляют штык,
чтоб им
в зубах ковырять.

Это стихотворение с длинным заглавием: «Марксизм — оружие, огнестрельный метод, применяй умеючи метод этот» — выйдет в ближайшем номере журнала «Журналист». Интересно, что мои язвительные слова относительно Лермонтова — о том, что у него «целые хоры небесных светил и ни слова об электрификации», изрекаемые в стихе глупым критиком, — писавший отчет в «Красной газете» о вечерах Маяковского приписывает мне, как мое собственное

Этот ряд стихов я начал с маленького «Строго воспрещается», выходящего в «Красной ниве». Это стих о вывеске Краснодарского вокзала: «Задавать вопросы контролеру строго воспрещается» —

...а хочется спросить:
— Ну как дела?
Как здоровьице?
Как детки?
Прошел я,
глаза к земле низя,
и только подхихикнул,
ища покровительства.
И хочется задать вопрос,
а нельзя —
еще обидются:
правительство!

Остальные стихи этого цикла будут выходить в московских «Известиях».

Трудность продвижения на международную арену труднопереводимых стихов (разумеется, это не единственная главная причина) заставила меня начать большой (двадцатилистный) прозаический роман, который я обязался договором сделать к 1 августа.

Роман я начну окончательно дорабатывать после сдачи по договору своей комедии-драмы театру Мейерхольда.

Особняком стоят стихи об американском путешествии, дорабатываемые сейчас, такова поэма «Сифилис» (выйдет в журнале «Молодая гвардия»). Это стих о занятиях прогнивших хозяев в завоеванных долларом колониях:

В политику
этим
не думал ввязаться я.
А так — срисовал для видика.
Одни говорят —
«цивилизация»,
другие —
«колониальная политика».

Отдельными книгами выходят и выйдут:

конструкцию, за спецодежду вместо золоченой бутафории <— разве ее> можно рассматривать иначе, чем идеологический участок на общем фронте борьбы за экономию.

В «Лефе» рядом с московской группой будут работать и лучшие работники искусств и теоретики Ленинграда.

Н. Тихонов, Тынянов, Эйхенбаум, Якубинский, Гинзбург, Коварский.

Интересно?

1926